

А-Чжань, что значит «красота в глазах смотрящего»... Приди же в себя!

Пруд с рыбами (6)

— Вот здесь олени рога из Южного Чу, превращенные в резные фигурки драконов, искусственная гора из обсидиана из Суйчэна, ваза из костей кита с Цзинчжоу, вино по особому рецепту из Чанье... Ну, помимо этих обыденных вещей, здесь еще несколько томов древних книг.

Цзяоцзяо распоряжалась слугами, которые заносили вещи в поместье Пей Чжо. Наблюдая, как Цзян Нинье неспешно перечисляет принесенное, она перевела взгляд на два ящика со свитками у своих ног и глубоко вздохнула.

— Князь, что это означает? — спросил Пей Чжо.

— Я пришел навестить соседа, разумеется, я должен был приготовить хоть какие-то незначительные подарки. Если в будущем А-Чжо добьется больших высот, прошу, не забывай этого князя, — тон Цзян Нинье выражал легкую обиду. — Или ты хочешь сказать, что А-Чжо считает мои подарки пустой тратой средств?

Эта внезапная самоирония заставила Пей Чжо нахмуриться. О легкомысленном и ветреном нраве князя Цзин знали все, к тому же он был известен своей страстью к роскоши. Мало того, что он требовал только самого дорогого, так еще и вещь должна была быть «редкой», чтобы удостоиться его внимания. За последние пару дней Пей Чжо наслышался об этом вдоволь.

Предметы перед ним, будь то редкие или драгоценные, при демонстрации окружающим могли вызвать немалое изумление, но все вместе они едва ли могли сравниться по ценности с той веточкой сливы, что была раньше.

Дождь стал тише, мягко повиснув в воздухе.

Взгляд Пей Чжо упал на плечо Цзян Нинье. Его зонт был наклонен в сторону Пей Чжо, из-за чего его собственная одежда успела слегка промокнуть. Слова, которые он собирался произнести, застряли в горле.

А-Чжань принес бумагу и кисть. Пей Чжо на глазах у Цзян Нинье вывел несколько строк, поднял тонкий лист бумаги и протянул его вместе с коробочкой, которую подал А-Чжань.

— Что это?

— Расписка.

Цзян Нинье странно посмотрел на него:

— Ты и впрямь собрался вернуть мне тысячу золотых?

Пей Чжо поправил его:

— Пятьсот. Оставшиеся пятьсот отдам сейчас.

Цзян Нинье на мгновение замолчал, а затем, обдумав свои слова, спросил:

— Это ведь не все твои сбережения за эти годы?

— Нет, — ответил Пей Чжо, — триста из них занял у меня наследный принц Су Янь.

— В этом не было нужды... — Цзян Нинье хотел было закрыть тему, но, видя серьезное выражение лица Пей Чжо, решил принять дар. В конце концов, это всего лишь тысяча золотых. Он хотел лишь воспользоваться случаем с цветами сливы, чтобы сократить дистанцию, а не заставлять его реально возвращать долг. Кто бы мог подумать, что этот человек настолько педантичен, будто во что бы то ни стало пытается провести четкую черту между ними.

Мало того, что он с добрыми намерениями пришел с подарками, так его даже не пригласили к вечерней трапезе. Цзян Нинье наконец пришел к выводу: перед ним законченный бедняк, помешанный на своей гордости.

Когда они вышли из поместья Пей, небо уже начало темнеть. Цзяоцзяо сложила зонт и последовала за Цзян Нинье.

— Князь, я только что обошла там всё, но не нашла никаких признаков взяточничества... Конечно, есть люди, которые тайно прячут золото в земле или скупают поля и дома в других местах, но хоть какие-то следы должны остаться. У этого младшего господина Пея всё очень скромно, он пользуется кистью, на которой уже даже трещина пошла... — Цзяоцзяо осеклась и сменила тон: — Тот набор белого фарфора для чая точно не из императорских печей, но выглядит очень изящно, это доказывает, что у младшего господина Пея отличный вкус.

— Что ты сказала перед этим? — Цзян Нинье остановился. Он слегка поднял голову. На дверной табличке все так же безмятежно в ночи застыли три иероглифа: Поместье князя Цзин. Теплый желтый свет фонарей освещал изящные, выверенные черты иероглифов.

Тонкие пальцы чуть крепче сжали расписку.

Цзяоцзяо недоуменно повторила:

— Фарфоровый чайный набор выглядит очень красиво...

— Фразу перед этим.

Цзяоцзяо задумалась:

— Кисть, которой младший господин Пей писал, на поверхности пошла трещинами.

Цзян Нинье внезапно улыбнулся. Он зашагал к воротам поместья и небрежно произнес:

— Ты пригляделась, что именно нарисовано на той кисти?

— Кажется, там горы и вода, еще облака. Если подумать, довольно необычно, а черенок кисти выглядит как чистейший белый нефрит... Пойдите, — Цзяоцзяо хлопнула себя по лбу и воскликнула: — Далекие горы и плывущие облака, неужели это Таньтай Циньянь?!

Цзян Нинье шел под холодным лунным светом и усмехнулся:

— Это определенно Таньтай Циньянь.

— Но ведь Таньтай Циньянь давно исчезли. Говорят, тогда их было всего около десяти штук, и все они были пожалованы Его Величеством знатным вельможам. Князь, вы сами несколько лет искали такую кисть, но другие их либо выбрасывали, либо раздаривали, вам удалось найти лишь одну, да и та вскоре сломалась, — смутилась Цзяоцзяо. — Откуда она у младшего господина Пей?

— Хотя этот младший господин Пей и потакает злодеям, он все же книжник, и вкус у него отменный. Может, кто-то воспользовался этим случаем и преподнес её ему, — многозначительно произнес Цзян Нинье.

Он раскрыл веер, и его взгляд стал холоднее.

—

Едва Пей Чжо вошел в Академию Ханьлинь, как услышал доносившиеся оттуда споры.

— ...В этом году первое место непременно должно достаться этой работе!

— Я считаю, что статья другого претендента на голову выше.

— Господин Чжан, что по этому поводу сказал Его Величество?

С наступлением тишины, вызванной вопросом к Чжан Жоханю, взгляды всех присутствующих устремились к Пей Чжо.

— Господин посол пришел? — Чжан Жохань прищурился и улыбнулся: — Иди скорее посмотри, какая из работ в этом году лучше?

Пей Чжо бегло просмотрел свитки и, указав на один из них, ответил:

— Этот лучше.

Стоявший рядом ученый из Академии Ханьлинь Сюй Вэньцин хмыкнул:

— Я же говорил? Господин Пей в свое время сам был лучшим из лучших, у него наметанный глаз. Пусть этот студент и приехал из Цинчжоу, будучи бедняком без связей, но если сравнивать его с учениками Школы Цанлинь, разница видна сразу.

Чжан Жохань бросил на него косой взгляд:

— Господин Сюй хочет сказать, что студенты Школы Цанлинь ни на что не годны? Не забывайте, господин Пей тоже вышел из стен Школы Цанлинь.

Лицо Сюй Вэньцина изменилось, и он тут же возразил:

— В нашем Государстве Тан каждый год лучшие выпускники выходят из Школы Цанлинь, особенно когда ими руководили вы, господин Чжан, результаты были блестящими. Однако в нынешнем списке первой десятки сплошь ученики Школы Цанлинь, и ни одного выходца из народа.

— Разве в Гоцзыцзянь не учили, что все зависит от собственных способностей, а не от происхождения? — парировал Чжан Жохань. — То, что мало бедных учеников, говорит лишь о том, что они недостаточно усердны. Нельзя же из-за этого отменять экзамены и искусственно натягивать баллы?

— Дети знатных семей учатся в государственных училищах, чтобы попасть в Императорскую столицу, им нужны связи, а некоторые и вовсе обучаются в Школе Цанлинь. Не говоря уже о Гоцзыцзянь, сколько в нашей Академии Ханьлинь людей, которые преподавали в Школе Цанлинь? На экзаменах почерк узнается мгновенно. Господин Чжан говорит, что бедные ученики не стараются, но позвольте спросить: если бы мы с вами оказались в их положении, как бы мы поступили? — не выдержал Сюй Вэньцин.

Чжан Жохань пренебрежительно усмехнулся:

— Времена меняются, и судьбы тоже.

Пей Чжо понимал: Сюй Вэньцин не особо боится Чжан Жоханя — в конце концов, его Ведомство взывания к небесам опирается на поддержку Управления Юси, а разве Академии Ханьлинь не нужна такая же опора? Более того, Сюй Вэньцин был выдвинут самим Чу Ляном, и хотя их чины с Чжан Жоханем различались, их влияние было сопоставимым.

— Господин Чжан, вы пришли сегодня по поручению Его Величества или от лица великого наставника? — спросил Сюй Вэньцин.

Увидев, как побледнел Чжан Жохань, он понял, что попал в точку, и обратился к Пей Чжо:

— Похоже, у господина Чжана свои планы. А вы, господин Пей, чью волю исполняете?

Пей Чжо ответил:

— Господин Чу поручил мне узнать список новых выпускников. Через два дня дворцовый экзамен, прошу всех, кто прошел отбор, готовиться.

— Тогда побеспокою вас, господин Пей, — Сюй Вэньцин внимательно посмотрел на него и добавил вполголоса: — Если получится замолвить словечко за этого студента из Цинчжоу, будет совсем хорошо.

Пей Чжо слегка кивнул, не проронив ни слова.

—

Два дня спустя дворцовый экзамен завершился, и прошедшие отбор студенты ждали своей участи на террасе Цзюньцзы.

— Я считаю, что господин Чу прав, Вэй Сянь из Школы Цанлинь должен занять первое место,
— Пей Чжо сохранял спокойствие в зале Чэнпин.

Чу Лян бросил на него взгляд, стоя заложив руки за спину.

Сюй Вэньцин, стоявший среди чиновников, увидел самодовольное лицо Чжан Жоханя и помрачнел.

Ли Сысюань лениво произнес:

— А что насчет того, о ком говорил господин Сюй...

— Чэн Юй, — поклонился Сюй Вэньцин.

— Точно. Господин Пей, какое место следует отдать этому человеку?

Пей Чжо, глядя на Ли Сысюаня на троне Дракона, медленно произнес:

— Его Величество упоминал, что четвертый выпускник отправится вместе с Управлением водных ресурсов в Шочжоу для ликвидации последствий наводнения. Этот Чэн Юй родом из Цинчжоу, где также часто случаются наводнения, полагаю, он будет лучше знаком с этим делом.

Ли Сысюань усмехнулся:

— Каждому свое место, мне нравится ваш подход, господин Пей.

Однако четвертое место — совсем не то же самое, что сияющее первое. В Городе Цзи никто не запомнит его имени. Тем более что он из простой семьи, и его отправляют в бедствующий Шочжоу. В будущем, на чиновничьем поприще, он станет лишь ничтожной песчинкой.

Что же касается первой тройки, то её, как и ожидалось, заняли отпрыски знатных семей из Школы Цанлинь.

Сюй Вэньцин был в ярости — не то чтобы он так сильно переживал за незнакомого ему Чэн Юя, просто он не хотел проигрывать Пей Чжо и Чжан Жоханю.

Однако он отчетливо услышал, как новоиспеченный лучший студент Вэй Сянь после благодарственного поклона произнес:

— Милость Его Величества безгранична, мои предки родом из Шочжоу, я прошу позволения отправиться туда вместе с остальными, чтобы почтить память своих предков.

Даже такой невозмутимый человек, как Пей Чжо, был слегка удивлен.

За столько лет он впервые видел кого-то, кто не спешил остаться в Городе Цзи, чтобы наслаждаться славой и богатством.

—

— Молодой господин! Вы наконец вернулись! — щуплая девочка-служанка с фонарем в руках

выглядывала из-за двери.

Вчера Цзяоцзяо привела из поместья князя Цзин эту девочку по имени Вэй Тао. Сказала, что это её дальняя родственница, работающая и толковая, и настояла, чтобы та прислуживала Пей Чжо. Поначалу упрямая девчонка не горела желанием, но стоило ей увидеть Пей Чжо, как она тут же сменила гнев на милость и радостно перенесла свои вещи в каморку у дровяного сарая.

А-Чжань же был явно недоволен и во всем видел подвох — чем старательнее становилась Вэй Тао, тем неприятнее было А-Чжаню, словно у него отнимали работу.

Вот и сейчас, пока Пей Чжо не было, А-Чжань воспользовался тем, что старше на два года, и не пускал Вэй Тао протирать столы в гостиной.

Вэй Тао не сердилась, а, рассчитав время возвращения Пей Чжо, встала у порога с самым жалким видом. Едва Пей Чжо появился, она разрыдалась.

А-Чжань был в шоке, его голубые глаза чуть не вылезли из орбит.

В довершение всего Вэй Тао пожаловалась:

— Молодой господин, сегодня кто-то принес подарки. Сначала их приняла я, но А-Чжань украдкой их забрал, у-у-у... Хотя он и немой, но я-то не слепая, я всё видела!

Пей Чжо бросил взгляд, и А-Чжань тут же послушно и покорно преподнес вещи, после чего продолжил сверлить Вэй Тао взглядом.

Плач все еще звенел в ушах Пей Чжо, но, увидев принесенную вещь, он замер на месте.

Записка, завернутая вокруг простой деревянной заколки.

На записке было написано: «Юго-запад, переулок Юйцзя».

А эта заколка была в волосах у той девушки из городка Цзюйхуан, которая пыталась его убить.

Пруд с рыбами (7)

В карете в курильнице поднималась струйка сизого дыма, распространяя тонкий аромат сандала. Звук копыт по скользкой земле заглушался дождем.

— ...Почему князь сегодня пробыл у девицы Цзун всего полпалочки благовоний? — невзначай спросила Цзяоцзяо. — Девица Цзун уже приготовилась, что вы останетесь на ночь.

— В последнее время весенние холода, а у неё всего одна комната. Если она уступит её мне, где ей спать? — Цзян Нинье сделал глоток горячего чая, тепло разлилось по горлу, и он с облегчением расслабился.

— Раз князь такой добрый, почему бы вам не забрать девицу Цзун в поместье?

Цзяоцзяо мельком взглянула на рассеянный профиль Цзян Нинье и тут же с улыбкой добавила:

— Поняла, поняла. Князь ходит в красный павильон Хунгуань все эти годы лишь ради того, чтобы выспаться в другом месте. Ума не приложу, что такого в этом павильоне, что там спится крепче.

Цзян Нинье ответил вяло:

— Комната Цзун Ин очень странная. Раньше я думал, что дело в том, что стены увешаны книгами, и от одного взгляда на них клонит в сон. Но в поместье я устроил себе точно такой же кабинет, а сон всё равно не идет. В её комнате есть какой-то необъяснимый запах чернил.

— Князь, вы же говорили, что в западном дворе есть комната, где вы тоже можете уснуть?

Цзян Нинье вздохнул:

— Когда я расширял поместье, ту часть полностью снесли, осталась лишь одна комната. Брат издал указ Ведомству вызывания к небесам, чтобы в Храме Бога Дракона мне нагадали, и они сказали, что это место, где когда-то погибли люди, жить в нем нельзя, можно лишь держать там побольше золота и драгоценностей, чтобы усмирить злых духов.

Он медленно добавил:

— Похоже, кто-то чувствует за собой вину и боится, что среди ночи придут мстительные духи. Еще говорят, что в Государстве Тан только мой удел может подавить то место. Смешно, правда? Как-нибудь я выучу гадания и геомантию и подам прошение брату, чтобы разрыть могилы предков тех святош из Храма Бога Дракона, пусть не пачкают водные артерии государства.

Эти слова он произнес прямо в лицо верховному жрецу Ведомства вызывания к небесам, отчего того чуть удар не хватил от злости, но возразить он не посмел.

— Князь под защитой Бога Дракона, вам нечего бояться. Даже призраки, завидев вас, будут охранять вас и бороться за право быть вашим первым стражем, — Цзяоцзяо показала язычок.

Цзян Нинъе приподнял бровь:

— Благодаря той болезни, что была у меня в детстве, я теперь даже на десять чжанов к Храму Бога Дракона подойти не могу, от чего он меня защищает?

— Та богиня, которой поклоняются в храме, считается принцессой, по родству она младше вас, естественно, она будет к вам благосклоннее, чем к остальным. Может, она видит, что вы красивее всех в Поднебесной, и хочет помочь, исполняя любые желания, — Цзяоцзяо была мастером на сладкие речи.

— Только ты и умеешь так складно говорить, — Цзян Нинъе покачал головой.

— Я всему научилась у вас, — хихикнула Цзяоцзяо и, хитро сверкнув глазами, добавила: — По-моему, то, что вы можете выпасться в павильоне Хунгуань, говорит о том, что дело в людях рядом. Кто знает, может, ваша судьба уже давно рядом с вами...

— Остановись, — внезапно сказал Цзян Нинъе.

Цзяоцзяо замолчала и проследила за его взглядом. Штора окна была приподнята, и внутрь ворвался холодный дождь. В конце переулочка одиноко стояла чья-то фигура.

Цзяоцзяо показалось, что она кого-то узнала, и вдруг вскрикнула. Разве это не младший господин Пей? Рядом с ним, кажется, еще кто-то... Нет, это... Зрачки Цзяоцзяо сузились.

Она обернулась и обеспокоенно спросила:

— Князь, что с вами?

Цзян Нинъе подпер голову веером, нахмурившись:

— Голова болит.

— У вас в последнее время часто болит голова, может, старая болезнь вернулась? Я пойду скажу управляющему Вану...

— Не надо, — голос Цзян Нинъе стал глухим. — Никому об этом не говори.

Цзяоцзяо помедлила, но в конце концов кивнула:

— Слушаюсь.

Цзян Нинье продолжал смотреть в темный переулок, его выражение лица было мрачным. Через некоторое время он добавил:

— Немедленно пошлите кого-нибудь в Великий судебный приказ.

—

Дождь лил без остановки, стекая по карнизам и крышам в углы дворов. В переулке Юйцзя постоянный шум дождя пробирал до костей. Фигура, свернувшаяся у стены, не двигалась — жизнь уже покинула её.

Босые ноги были покрыты грязью, лохмотья одежды и насквозь промокшие волосы говорили о том, что при жизни она отчаянно боролась. Но удержать эту крупницу надежды не удалось.

Её никто не спас.

Осталось лишь холодное безжизненное тело.

К рассвету она станет лишь очередной замерзшей нищенкой, о которой будут сплетничать прохожие. Караульные небрежно уберут тело, выбросив его на пустырь в тридцати ли от Города Цзи на съедение зверям. Если там не будет места, то, если повезет, её могут отвезти еще дальше на восток, к горному хребту Панья, и сбросить в море Инхай.

Никто не спросит, как зовут эту девочку и откуда она.

Пей Чжо тоже не знал её имени.

Весь промокший до нитки, он стоял под проливным дождем, молча глядя на свернувшееся в комок тело. Он впился ногтями в ладони — только боль помогала оставаться в сознании.

Это его самонадеянность заставила его закрыть глаза на жестокость Города Цзи.

Губы Пей Чжо посинели от холода, но он не собирался уходить.

Он знал, что это знак — Чу Лян принял его, а значит, и Управление Юси признало его существование. Как подарок новому человеку, они решили показать свою «верность». Они убрали тех, кто пытался на него покушаться, чтобы заодно предупредить других, скрывающихся в тени: если кто-то еще решится на подобное, их ждет та же участь.

С другой стороны, это закрепило «статус» Пей Чжо. Теперь у него не было шансов оправдаться.

Для них она была лишь муравьем. И, возможно, они наслаждались, играя с этими муравьями. Ведь жизнь бесконечна, они так малы, слабы и не могут сопротивляться.

Он понял это еще в Хуабэне. Но здесь, в холодной клетке Города Цзи, это удушающее чувство стало еще сильнее. Будто петля затянулась у него на шее, и стоило оступиться, как последует наказание. Самое смешное, что находились люди, которые видели в этой петле знак почета и были готовы отдать всё, лишь бы заслужить эту «честь».

Сколько лет прошло. Оказалось, здесь ничего не изменилось.

На бледном, утонченном лице спокойная маска наконец треснула, обнажив горькую усмешку.

Дождь усиливался.

Он не знал, сколько простоял здесь.

Два часа? Три?

Он вдруг подумал: после этого дождя небо станет теплее. Если бы он вернулся в столицу позже, эта незнакомая девушка, возможно, не оказалась бы на улице в такую холодную ночь. Может, кто-то услышал бы её зов о помощи, может, её раны не проигнорировали бы так равнодушно...

Но теперь любые предположения были бессмысленны.

В этом мире, возможно, еще много таких же безымянных людей, которые в невидимых глазу уголках теряют надежду на жизнь.

Лунный свет упал на прядь волос Пей Чжо, заставив капли воды на мгновение засиять, как драгоценные камни.

Послышались шаги.

Пей Чжо медленно обернулся и увидел человека в ярко-красной чиновничьей мантии. На его строгом, красивом лице под зонтом застыло высокомерие.

Они долго смотрели друг на друга, пока Пей Чжо не заметил изумление в глазах собеседника.

Он с трудом проговорил холодным, севшим голосом:

— ...Господин Чжун?

—

— ...Младший судья Великого судебного приказа Чжун Цзяньбо? — Ду Шунь в изумлении отступил на полшага.

В комнате ярко горели свечи, воздух был пропитан теплым ароматом благовоний.

Цзян Нинье, одетый в халат цвета бамбука под луной, прислонился к дверному косяку; из-под рукава виднелась сложная вышивка драконов и фениксов. Он слегка кивнул:

— Этот Чжун Цзяньбо с виду благороден, но на деле лишь трус, дрожащий за свою шкуру. Если он решил выслужиться перед Управлением Юси и замять дело Пей Чжо, значит, у него есть слабое место.

Ду Шунь понял:

— Можно использовать их, чтобы выманить людей из секты Зеленого бамбука?

— Секта Зеленого бамбука... — усмехнулся Цзян Нинье. — Не знаю, сами ли они придумали себе такое название или это выдумка Управления Юси. Раз эти люди мнят себя защитниками справедливости, скрывающимися в тени, то непременно должны вмешаться в дела несправедливые.

<http://bllate.org/book/21168/2144692>